

ПОЛИТИЗАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ*

П.В. Панов,
Пермский государственный
национальный исследовательский
университет

Рассматриваются концептуальные рамки для анализа указанных процессов – определяются основные понятия: идентичность, этничность, политизация этнической идентичности. В политической науке сложились два основных подхода к решению вопроса, каким образом следует решать проблемы, возникающие вследствие политизации этнической идентичности: аккомодация и интеграция. Каждый из них предлагает свой набор институциональных решений. Обзор мирового опыта таких решений, представленный в работе, позволяет сделать вывод, что каждый из вариантов имеет сильные и слабые стороны, в силу чего на практике обнаруживаются разнонаправленные эффекты.

Ключевые слова: идентичность, этничность, политизация, конфликт, институциональные решения.

Одна из ключевых тенденций политического развития в XXI столетии – политизация партикуляристских групповых, в том числе этнических идентичностей. Это порождает серьезные проблемы, а зачастую и конфликты в универсалистских по своей форме национальных государствах (nation-states), приводит к институционализации партикуляристских практик и фрагментации политического порядка. В этой связи возникает ряд вопросов, на которые пока нет ответа. Почему в одних случаях фрагментация приводит к распаду, а в других удается сохранить целостность государства? Какой ценой?

Какие институциональные решения предлагаются в условиях политизации этнической идентичности? Каковы их эффекты?

1. Основные понятия.

На наш взгляд, идентичность не стоит редуцировать к психологическому ощущению принадлежности индивида к социальной группе, поскольку подобное ощущение – результат того, что индивид интернализирует коллективные представления о социальной реальности. Именно вследствие того, что коллективные представления разделяются членами некой социальной группы, у них и возникает ощущение «похожести» между собой и, на-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Граждане «разного сорта»? Варианты институционализации фрагментированного политического порядка в XXI веке: факторы, условия, эффекты», проект № 12-33-01016a1.

против, «отличия» о других. «Идентичность следует понимать как один из аспектов интерпретации индивидом социальной реальности, а именно того аспекта, который касается конфигурации и структуры самости индивида в соотношении с социальной реальностью» [7]. Интернализация картины мира в процессе социализации индивида позволяет ему понять себя, свое место в мире, разделенном в соответствии с данной картиной мира на разные группы.

Каждый индивид обладает множеством идентичностей (multiple identities), своего рода «идентификационной матрицей» – *матрицей значений, которые определяют различные стороны его «самости»* [3]. В разнообразных социальных взаимодействиях актуализируются те или иные элементы идентификационной матрицы. Значение картины мира (коллективных представлений о социальной реальности «в целом») состоит именно в том, что она в определенной мере «выстраивает», «упорядочивает», «связывает» различные значения идентификационной матрицы более или менее непротиворечивым образом. Это происходит благодаря тому, что среди них выделяются значения, задающие, так сказать, «систему координат», в которой социальная реальность «в целом» приобретает относительную целостность и «понятность». Следовательно, *политической является та идентичность, которая имеет упорядочивающее (базовое, связующее) значение в структуре идентификационной матрицы.* Под углом зрения именно этой идентичности коллективно осмысливается «мир в целом», политические взаимодействия макроуровня, выходящие за рамки отдельной социальной группы.

Под политизацией групп мы понимаем ситуацию, когда для членов социальных групп более интенсивной оказывается не гражданская идентичность, а специфические групповые идентичности (этнокультурные, религиозные, племенные и т.п.). В данном случае нас интересует политизация этнических групп (этнической идентичности). Необходимо оговориться, что само понятие этничности достаточно неоднозначное, но, не вдаваясь в дискус-

сии по этому поводу, мы будем использовать его в веберовской традиции, наиболее широко распространенной в литературе, когда этничность понимается как субъективное представление об общем происхождении («common descent», «common origin») независимо от того, на чем основано это представление – на цвете кожи, внешности, языке, религии или иных индикаторах общего происхождения либо их комбинации [9].

Политизация этнокультурной группы происходит тогда, когда члены этнокультурной группы ведут себя не как граждане, а исходят из партикуляристской групповой идентичности. Политические взаимодействия, тем самым, осмысливаются не как взаимодействия равных и свободных индивидов по поводу политических курсов, формирования органов власти и других публичных проблем. Они воспринимаются членами этнокультурной группы в терминах «мы – они», при этом «мы» – это члены этнокультурной группы, она выступает как единое целое «против» «они», которыми являются другие граждане, не входящие в данную этнокультурную группу.

Наиболее очевидные формы проявления политизации этнической идентичности – создание и функционирование этнических партий [5], этническое голосование [4], этнополитические конфликты, которые нередко приобретают насильственную форму [14], сепаратизм, установление этнополитических категоризаций (например «национальность в паспорте»). Строго говоря, политизация этничности отнюдь не обязательно приводит к конфликту, да и конфликт в политике не следует рассматривать как «зло». Тем не менее, с точки зрения политической формы современных государств – nation-states – политизация этничности всегда представляет собой проблему.

2. Теоретические подходы.

Принято считать, что в политической науке сложились два основных подхода к решению вопроса, каким образом следует производить институционализацию фрагментированного порядка: аккомодация и интеграция [6, 12]. Различия между ними

по-разному трактуются в литературе, и на фоне разночтений наиболее продуманной и последовательной представляется систематизация вариантов институционализации фрагментированного политического порядка, предложенная Вольфом [15]. Прежде всего, он считает необходимым выделить в институциональном дизайне

фрагментированного порядка три проблемных измерения: 1) территориальное устройство государства; 2) композицию власти; 3) соотношение индивидуальных и групповых прав. Это позволяет достаточно четко зафиксировать и суммировать позиции аккомодационного и интегративного подходов (см. таблицу).

Измерения	Консоциативная модель	Интегративная модель
Принципиальные рекомендации	Межэтническая кооперация на элитной уровне поощряется институциональной структурой, требующей совместного принятия правительственных решений	Межэтническая кооперация и модерация поощряется электоральной системой, требующей получения голосов разных этнических групп
Территориальное устройство	Предпочтительны этнически гомогенные территориальные единицы, обладающие автономией	Предпочтительны этнически гетерогенные территориальные единицы, число которых больше, чем количество этнических групп
Композиция власти	Парламентская система правления. Пропорциональная избирательная система. Гарантированное участие сегментов в правительственной власти («большая коалиция»)	Президентская система правления. Преференциально-мажоритарная избирательная система. Участие сегментов в правительственной власти, но без гарантий

Основополагающее значение для аккомодационного подхода имеет консоциативная теория демократии Лейпхарта. Две ее базовые характеристики – участие сегментов в осуществлении власти (power-sharing) и автономия. Институционально участие сегментов воплощается в создании «большой коалиции» из политических лидеров всех значительных сегментов многосоставного общества в форме коалиционного правительства в парламентской системе, «большого совета» или комитета с важными совещательными функциями, или большой коалиции президента с другими важнейшими должностными лицами в президентской системе [2]. Этот принцип дополняется такими институтами, как взаимное вето и пропорциональность представительства (на выборах, при назначении на посты в государственной службе и распределении общественных фондов). На практике это может осуществляться путем установления специальных квот для представителей отдельных групп. Во «внутренних делах» сегменты должны обладать автономией – территориальной или экстерриториальной.

Предложенная Лейпхартом модель вызвала острые дискуссии. Главным объектом критики было то, что, по мнению оппонентов, консоциативные институцио-

нальные устройства приводит к акцентуации групповых различий и вследствие этого лишь провоцируют конфликты между сегментами. В противовес консоциативной модели Дональдом Горовицем была выдвинута интеграционная или, как ее еще часто называют, «центростремительная» (centripetalism) модель [9]. Она исходит из того, что включение партикуляристских групп в политические процессы необходимо производить таким образом, чтобы не усиливать, а ослаблять групповые идентичности, не разделять группы на политические сегменты, а стимулировать меж-групповые взаимодействия, контакты и коалиции. Вместо групповых акцент делается на индивидуальные права и свободы. Не выступая против территориальной автономии и федерализма, сторонники интерграционизма полагают, что надо избегать совпадения административно-территориальных границ с этническими. Кроме того, Горовиц рекомендовал «распылять» этнические группы по разным территориально-административным единицам, что должно препятствовать их замыканию в себе. Особое значение в качестве инструмента интеграции уделяется устройству электоральных институтов, которые должны создавать для политиков стимулы искать голоса избирателей в различных сег-

ментах общества, а не полагаться на «свой сегмент». Выборы, по мысли интеграционистов, должны быть ареной «политического торга» (bargaining), в результате которого формируются кросс-сегментные политические партии или коалиции.

Таким образом, можно говорить о двух типах институциональных решений проблем, вытекающих из политизации этнической идентичности. Один практикуется в тех случаях, когда этническая группа сконцентрирована на определенной территории. Институционально это такие решения, как этнический федерализм и этнические территориальные автономии. Второй тип связан не с территориальным устройством, а с композицией центральной власти в государстве и предполагает гарантированное участие этнического сегмента в правительственной власти (power-sharing). Разумеется, на практике возможны, а в некоторых случаях даже необходимы комбинации разных решений.

3. Этническая территориальная автономия.

Прежде всего, следует отметить, что об ЭТА можно говорить в двух смыслах. В широком смысле это понятие включает в себя этнические автономии в федеративных государствах. Как известно, в мире насчитывается около 30 федераций и в некоторых из них субъекты федерации – все или часть из них – базируются на этнических характеристиках. Соответственно, выделяется категория «этнических федераций». Целиком на этническом принципе построены, например, такие федерации, как Босния и Герцеговина, Бельгия, Эфиопия, частично – Россия, Индия, Ирак, Нигерия, Канада.

В узком смысле об ЭТА говорят применительно к унитарным государствам, в которых некоторые территориальные единицы являются этническими. Правда, возникают вопросы, что означает «привязка к этничности»? Как фиксируется и проявляется этнический признак? Казалось бы, самый очевидный вариант – через название территориальной автономии. Действительно, во многих случаях фиксация в наименовании автономной территориальной единицы этнического признака оказывает-

ся вполне достаточным основанием для отнесения ее к ЭТА. Вместе с этим, возможны случаи, когда название автономии прямо не указывает на этническую группу, однако фактически этническая «привязка» имеет место (Аландские острова в Финляндии). С другой стороны, возможна и противоположная ситуация, когда привязка к этнической группе в наименовании автономии есть, но фактически этнический признак не имеет значения (Еврейская автономная область в России).

Таким образом, наименование автономии – важный признак при идентификации ЭТА, но недостаточный [подробнее см.: 1]. Мы полагаем, что решение вопроса о том, имеет ли территориальная автономия «этническую привязку», возможно в следующей логике: поскольку речь идет об этнической территориальной автономии, в рамках «своей» автономной территориальной единицы данная этническая группа должна иметь доступ к властным позициям. Если так, то возникает вопрос, как именно такой доступ обеспечивается, гарантируется и т.д.

Какова эффективность ЭТА с точки зрения решения проблемы политизации этнической идентичности? Как показывает политическая практика, на этот вопрос нет однозначного ответа. Известно немало случаев, когда предоставление этническому сегменту территориальной автономии снимало остроту конфликта и даже помогало прекратить длительные вооруженные конфликты: Читтагонг в Бангладеш, Сербская Краина в Хорватии, Ачех в Индонезии и т.д., в то же время хорошо известны и противоположные случаи, когда предоставление ЭТА, напротив, приводило к эскалации конфликта, поскольку у лидеров этнической группы возникало ощущение, что, наращивая противостояние, они могут получить еще больше.

Иначе говоря, в ряде случаев предоставление ЭТА усиливает сепаратизм. Достаточно вспомнить тот же Южный Судан, который изначально получил автономию, но это стало лишь этапом в борьбе за отделение. В Эфиопии после свержения просоветского режима Менгисту была установлена этническая федера-

ция, но спустя несколько лет этнические сегменты вновь возобновили борьбу за создание собственных государств.

4. Power-sharing.

Концепт «power-sharing» используется сторонниками как аккомодационного, так и интеграционного подходов. Это связано с тем, что сторонники обоих подходов, как уже подчеркивалось выше, выступают за включение этноконфессиональных сегментов в структуры власти. При этом, разумеется, следует иметь в виду, что для сторонников аккомодационного подхода power-sharing – нормативно правильная модель, тогда как для интеграционистов это скорее «неизбежное зло» и «временное явление»: поскольку для устранения (или хотя бы смягчения) конфликта надо включать политизированные этно-конфессиональные группы в политический процесс, они вводятся в правительственную коалицию, однако на перспективу необходимо предпринимать все возможное, чтобы снизить значимость сегментного представительства, интегрировать разные сегменты в единое целое.

Нельзя не заметить, что есть и другие – более широкие – трактовки понятия power-sharing, когда оно выходит за рамки указанного измерения (композиции центральной власти) и включает другие измерения. Так, нередко говорят о power-sharing в плане территориального устройства государства, включая в это понятие территориальную автономию, а также в плане электоральной инженерии, когда избирательные системы устраиваются так, чтобы создать преимущества для некоторых сегментов. Харцель и Хадди идут еще дальше и выделяют 4 аспекта power-sharing: не только политический и территориальный, но также военный (доступ сегментов к армейским позициям) и даже экономический аспект (доступ сегментов к экономическим ресурсам [8]).

Как представляется, такая расширительная трактовка размывает понятие. На наш взгляд, главным компонентом power-sharing является все же правительственная коалиция. Вполне возможно, что этноконфессиональные сегменты имеют гарантированное представительство (некие

квоты) в парламенте, но если это не влечет за собой правительственную коалицию, вряд ли уместно говорить об их участии в осуществлении власти, ибо представительство в парламенте – это еще не власть. Таким образом, парламентские квоты для сегментов могут быть дополнением (в ряде случаев весьма важным) к гарантиям участия в правительстве, но сами по себе не являются достаточным признаком power-sharing.

Далее, необходимо учитывать, что механизмы включения сегментов в правительственную власть могут быть разными:

– во-первых, самый «жесткий» вариант – *организационное представительство*: этно-конфессиональный сегмент участвует в правительственной коалиции через свою политическую организацию («партию»). Это означает, что политические деятели (министры, президенты и т.д.) связаны со своим сегментом не персонально (будучи членами данной группы), а институционально, через политическую организацию;

– во-вторых, правительственная коалиция включает в себя членов этноконфессиональных сегментов на, так сказать, *персональной основе*. К примеру, в правительстве могут быть установлены некие квоты для разных сегментов, соответственно определенное количество позиций должны занимать политики, которых относят (и общество, и они сами) к членам данного сегмента. Другой вариант – ключевые должности заранее зарезервированы за представителями соответствующих сегментов.

Ключевым, на наш взгляд, в данном случае является вопрос, насколько значимы персональные связи политического деятеля со своим сегментом. Это связано с тем, что в условиях политизации групповых идентичностей и фрагментации политического порядка этноконфессиональная группа является «единичным» актором, выступает в политических взаимодействиях как «единое целое». Таким образом, если политический деятель действительно воспринимается сегментом как его (группы) представитель – это, в принципе, соответствует понятию power-sharing;

– в-третьих, вполне возможна и другая ситуация, когда «представительство» этноконфессиональных сегментов на персональной основе оказывается «формальным» («фасадным») – аналогом хорошо известной концепции парламентского представительства по «модели сходства», согласно которой парламент должен являть собой «общество в миниатюре», то есть включать в себя представителей всех групп и прослоек. Иными словами, правительство формируется так, что в его составе есть политические деятели, которые «принадлежат» к разным этноконфессиональным группам по неким «объективным признакам» – антропологическим, расовым, языковым и т.д. Очевидно, однако, что одно лишь это само по себе отнюдь не гарантирует, что они будут руководствоваться в процессе принятия решений «принадлежностью к группе». Если «представители» разных этноконфессиональных групп в правительстве в действительности не связаны с сегментом, они фактически не представляют его, и такой вариант, на наш взгляд, не соответствует принципу power-sharing.

Таким образом, мы используем понятие power-sharing в узком смысле, связывая с ним исключительно композицию правительственной власти, хотя (особенно в парламентских системах) это может быть тесно связано и с композицией парламента. Power-sharing – такое институциональное устройство, которое обеспечивает совместное участие разных этноконфессиональных групп (сегментов) в осуществлении правительственной власти через создание коалиций. Следует подчеркнуть, что power-sharing реализуется именно через коалиционные взаимодействия и именно сегменты являются акторами этих взаимодействий. Иначе говоря, политики, представляющие сегмент, должны быть связаны, в первую очередь, «своим» сегментом, а не каким-либо внешним актором.

С учетом различий при определении концепта power-sharing, о которых сказано в предыдущем разделе, объясним, почему в литературе нет полного единства по поводу «перечня» случаев применения этой модели. Харцель и Хад-

ди за период 1945–1998 гг. насчитали 38 случаев установления power-sharing. Правда, необходимо учесть, что, во-первых, они использовали широкое определение power-sharing, во-вторых, исследовали лишь те случаи, когда power-sharing устанавливалось в результате гражданской войны [8]. В узком смысле – применительно к композиции правительственной власти – Анна Джарстад насчитала 26 случаев power-sharing, однако ее список ограничен периодом с начала 1990-х гг., но в него включены и те случаи, когда сегменты были не этноконфессиональными [10].

Таким образом, «список» требует уточнений, однако можно достаточно уверенно полагать, что если включать в него только этноконфессиональные сегменты, в нем будет от 30 до 40 случаев. Своего рода «классические» примеры – Нидерланды, Бельгия, Швейцария. В Ливане power-sharing уходит корнями еще в колониальный период (1920-е гг.). В 1960–1963 гг. эта модель функционировала на Кипре, правда, закончилось все довольно плачевно – распадом страны на две части (греческую и турецкую).

В целом, прослеживается явная тенденция увеличения количества случаев power-sharing, то есть эта модель становится все более популярной. Многие из современных случаев широко известны и даже «знамениты». Дейтонские соглашения 1995 г. положили конец войне в Боснии и Герцеговине, а Таифская хартия 1989 г. – гражданской войне в Ливане. Уже упоминавшееся Соглашение Страстной Пятницы остановило кровопролитие в Северной Ирландии.

Наибольшее количество случаев power-sharing фиксируется в африканском регионе. Только за одно десятилетие (1998–2008 гг.) Андреас Мелер насчитал 18 случаев, когда были предприняты попытки прекратить этноконфессиональные конфликты путем заключения соглашения по модели power-sharing [11]. Среди них – относительно успешные случаи в Либерии и Анголе и неудачные попытки в Чаде и Сомали. Пожалуй, наиболее известный пример связан с межэтническим конфликтом между хуту и тутси в двух

соседних странах – Руанде и Бурунди их случаях была предпринята попытка (1990-е гг.), который сопровождался этническими чистками и геноцидом. В обоих случаях была предпринята попытка введения power-sharing, однако результаты были существенно различными.

Библиографический список

1. *Азанова И.В.* Этническая территориальная автономия: проблемы концептуализации // Вестник Пермского университета. Сер. «Политология». – 2013. – № 4. – С. 50–60.
2. *Лейнхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. – М.: Аспект Пресс, 1997. – С. 66–72.
3. *Назукина М.В.* Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: автореф. дис... канд. полит. наук. - Пермь, 2010. – С. 22.
4. *Birnie J.* Ethnicity and electoral politics. - Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
5. *Chandra K.* Why ethnic parties succeed: patronage and ethnic headcounts in India. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
6. Constitutional design for divided societies: integration or accommodation? / Ed. by *S. Choudhry*. – Oxford; New York: Oxford University Press, 2008.
7. *Greenfeld L., Eastwood J.* National Identity // *Boix C., Stokes S.* (eds.) The Oxford Handbook of Comparative Politics. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007. – P. 256.
8. *Hartzell C., Hoddie M.* Institutionalizing Peace: Power Sharing and Post-Civil War Conflict Management // American Journal of Political Science. – 2003. – Vol. 47. – № 2. – P. 325–326.
9. *Horowitz D.* Ethnic groups in conflict. – University of California Press, 1985. – P. 17–18; 13; 7.
10. *Jarstad A., Sisk T.* (eds.) From war to democracy: dilemmas of peacebuilding. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – P. 112.
11. *Mehler A.* Not always in the people's interest: Power-sharing arrangements in African Peace agreements BWPI Working Paper 40. – Brooks World Poverty Institute, 2008.
12. *Sisk T.* Power sharing and international mediation in ethnic conflicts. – US Institute of Peace Press, 1996.
13. *Wimmer A.* Ethnic Boundary Making: Institutions, Power, Networks. – Oxford: Oxford University Press, 2013.
14. *Wimmer A., Cederman L.-E., Min B.* Ethnic politics and armed conflict: a configurational analysis of a new global data set // American Sociological Review. – 2009. – Vol. 74. – № 2. – P. 316–337.
15. *Wolff S.* Approaches to conflict resolution in divided societies // Ethnopolitics Papers. – Exeter Centre for Ethno-Political Studies, University of Exeter, 2010. – № 5.

**THE POLITICIZATION OF ETHNIC IDENTITY IN THE MODERN WORLD:
PROBLEMS AND INSTITUTIONAL SOLUTIONS**

P.V. Panov

One of the basic trends of contemporary political development is a politicization of ethnicity, which gives rise to some problems and sometimes causes sharp conflicts in universalistic in their form nation-states. The paper discusses the conceptual framework for the analysis of these processes. Some basic concepts – identity, ethnicity, and the politicization of ethnic identity – are examined. Two main approaches (accommodation and integration) to the question of how to deal with problems arising from the politicization of ethnic identity are discussed. Each of them offers its own set of institutional decisions. Overview of solutions presented in this paper allows to make a conclusion that each of the approaches has some advantages and disadvantages. As a result, they produce divergent effects.

Keywords: identity, ethnicity, politicization, conflict, institutional decision.

Сведения об авторе

Панов Петр Вячеславович, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: panov.petr@gmail.com

Материал поступил в редакцию 25.09.2014 г.